

Оливия Штерн

Брак во имя Альянса

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Оливия Штерн

Брак во имя Альянса

«АЛЬФА-КНИГА»

2022

Штерн О.

Брак во имя Альянса / О. Штерн — «АЛЬФА-КНИГА», 2022

ISBN 978-5-9922-3455-8

С появлением пришельцев у границ Земного Альянса моя жизнь разделилась на «до» и «после». Я была счастлива и любима, но прилетевшие из глубин космоса девирани убили моего возлюбленного. С той поры прошли годы, Альянс ведет с пришельцами торговлю, а я... Я как будто и не живу вовсе, существую без радости и надежды. Что-то нужно изменить... И поэтому я соглашаюсь на предложение лучшего друга отправиться на станцию «Содружество», где Альянс сотрудничает с девиранами. Но кто бы мог подумать, что я стану свидетелем жуткого убийства, а потом один из пришельцев потребует меня себе в законные жены? Это будет брак во имя Альянса, сказали мне. И отдали девиранину.

ISBN 978-5-9922-3455-8

© Штерн О., 2022
© АЛЬФА-КНИГА, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Оливия Штерн

Брак во имя Альянса

Пролог

Я смотрела в глаза своему первому мужчине. Нелюбимому и почти забытому. И отказывалась верить тому, что он только что сказал. Слишком это было жестоко для меня, слишком жестоко даже для него...

– Марго, – повторил он, – почему ты молчишь? Ты вообще меня слушаешь?

Этот вопрос: «Ты вообще меня слушаешь?» – и вернул меня к действительности. Мишель всегда любил, чтобы перед ним благоговели и в рот заглядывали. Алекс... он был другим. Был.

Стараясь, чтобы рука не дрожала, я потянулась к белой чашечке с горьким эспрессо. Сделала глоток. Мне нужно было подумать, не отвечать сгоряча. Но как здесь думать, когда мысли скачут, остро, болезненно. Еще немного – и сорвут те покровы из пепла, что так надежно укрыли мои воспоминания. Этого не хотелось, шесть лет прошло.

Мишель внимательно смотрел на меня, а я вдруг подумала, что он очень сильно изменился за эти годы. Когда-то он напоминал мне стальную пружину или змею, готовящуюся к броску. За шесть лет человек, в которого я так по-детски влюбилась, изрядно располнел, почти облысел и обзавелся очень дорогим костюмом и часами, которые наверняка стоили как мое жалованье за год. Единственное, что не изменилось, так это глаза – темно-карие, блестящие, словно зеркала. Не понять, о чем думает Мишель, до тех пор, пока сам не скажет. Вот он и сказал – предложил нечто такое, отчего у меня руки дрожат и хочется упасть на колени прямо посреди кафе, обхватить голову руками, зажмуриться... Ничего не видеть и никого не слышать.

Я все же спросила:

– Как ты можешь мне... такое предлагать?

Мишель усмехнулся, поелозил ладонью по скатерти, а потом взял меня за руку. Пальцы у него оказались теплыми, чуточку шершавыми. Такое прикосновение было приятным, успокаивало. И я вспомнила, как он обнимал меня, прижимая к себе, шесть проклятых лет назад. Уговаривал меня быть сильной и как-то жить дальше. А мне тогда хотелось сдохнуть, потому что вместо сердца получилась жуткая обугленная дыра с рваными краями.

Впрочем, все прошло. Только вот ненависть осталась к тем, кто сломал, безжалостно растоптал мой... наш с Алексом мир.

Я снова попыталась сосредоточиться на том, что говорил Мишель.

– Ну а что, Марго? Что такого? Прошли годы, достаточный срок, чтобы как-то успокоиться. И вместо того, чтобы обслуживать вот это все, – он не без легкого презрения оглядел помещение, – тебе предлагается занять неплохую должность при консуле на «Содружестве».

– То есть, – я освободила руку и спрятала ее под стол, – то есть сейчас ты мне предлагаешь все бросить, отправиться на «Содружество» и работать там с девиранами?

– Кажется, я довольно ясно изъясняюсь, – сварливо ответил Мишель.

– Ты же знаешь, что...

– Да все это знают, брось. Сколько еще должно пройти лет, чтобы ты наконец пришла в себя? Нет его, Марго. И не вернуть, как и многих других. Так что не нужно считать себя уникальной и пострадавшей от действий девиран. Почему ты тогда Альянс не обвиняешь, а? Почему не задаешься вопросом, кто нанял нас, кто отдал приказ атаковать неопознанные корабли? – Он пожал плечами, и ткань дорогого пиджака сморщилась у ворота.

Я задумалась. В чем-то он был прав, мой старый друг и первый мужчина, которого я любила ровно до тех пор, пока не поняла, что ничего у нас не получится. В самом деле, почему

я обвиняю только девиран? Это ведь Альянс принял решение атаковать корабли чужаков, появившиеся у скопления даториума. А потом, когда многие навсегда исчезли в ловушке, Альянс все перевернул с ног на голову. Оказалось, что с девиранами можно и нужно сотрудничать, потому что все, что им было нужно, – это даториум. Ученые Альянса так и не научились его толком перерабатывать, лишь пришли к выводу, что информация в определенных условиях может перейти в материальное состояние. Даже кусочек такой материи смогли разложить на информационные составляющие, но на этом все и закончилось. Наши оказались в тупике.

А вот девиране – очень даже хорошо знали, что с этим даториумом делать. После заключения перемирия они предложили Альянсу то, чего не предлагал никто и никогда: информацию обо всем и обо всех в ближайшей галактике. Разумеется, на взаимовыгодных условиях.

И сразу все стало хорошо.

И очень быстро на границе области, где объявились девиране, построили станцию «Содружество». И даже консула туда отрядили для решения некоторых формальных вопросов. Девиране изредка появлялись в разного рода информационных лентах... При этом, правда, было неизвестно, сколько их прилетело и сколько прилетит еще.

Только вот не вернуть никого из тех, кому было приказано атаковать девиран в тот самый первый раз. Я вернулась. Моему до сих пор любимому мужчине повезло куда меньше.

– Я их ненавижу, – буркнула я, вцепившись в чашечку с кофе, как будто она могла меня спасти, – я их видеть не могу и не хочу. Я бы их перебила всех. Вот где от плазменных бомб был бы прок.

– Марго, – медленно произнес Мишель, – ну подумай ты хоть немного. У тебя появляется возможность отправиться в стан врага. А вдруг получится и бомбу им подложить? Поверь, далеко не все влиятельные люди Альянса в восторге от того, что на наших границах висит это чудовище, построенное на основе странных биотехнологий, а другие чудовища – которые еще не факт, что живые, – жрут даториум, им же гадят, а потом снова жрут.

Подняв на него глаза, я пристально рассматривала красивое холеное лицо. Даже полысев, Мишель сохранил шарм и привлекательность. Но вот что внутри?.. Никто не знает, Мишель никого не пускает дальше этой довольной внешней оболочки.

– Ты сейчас намекаешь на то, что сам представляешь это меньшинство в Альянсе? – спросила тихо. – И меня туда отправляешь исключительно потому, что вам нужен верный человек на «Содружестве»?

– Ничего такого я не говорил, – ответил он и улыбнулся, – я всего лишь пытаюсь тебя вытащить из той дыры, куда ты засунула голову. Мир, дорогая, гораздо больше и лучше, чем эта забегаловка, куда ты забилась после того, как ушла со скандалом. В конце концов, давно пора понять, что любая военная операция чревата жертвами, и пилотов это тоже может коснуться. А ты как маленькая. Ну в самом деле...

* * *

Это его «в самом деле» еще долго перестукивало безжалостно звонкими молоточками в голове, вызывая мигрень. Предложение Мишеля – совершенно дурацкое, даже думать о нем не хотелось... Домой я добиралась общественным флайкаром, держась за поручень и почти утыкаясь носом в непомерно пышную прическу дамы весьма солидного возраста. Прическа была ярко-зеленого цвета и почему-то пахла новым пластиком. Можно было отодвинуться, но сзади все свободное место заняла шумная компания подростков, выкрашенных во все цвета радуги. В результате к концу поездки я старалась не делать резких движений головой, кое-как выбралась на тротуар и медленно пошла к высотке, почти не выбиваясь из людского потока. Да и не нужно выбиваться: это ведь в прошлом я – пилот первого класса в одной частной

военной компании. Сегодня я – самый обычный администратор кафе «Розалин», где можно попробовать капкейки с малиновым джемом, чудесные эклеры и черничный пирог.

Над головой мягко светилося небо, изрезанное по бокам силуэтами многоэтажек, и срывался редкий снежок. Пахло сыростью и свежестью, невзирая на суесящиеся вверх флайкары. Под ногами хрустел ледок, что успел затянуть мелкие лужицы. И я вспоминала, невольно вспоминала, как семь лет назад точно так же шла по улице, и точно так же перламутрово и мягко светились низкие снежные облака, и точно так же срывались первые снежинки. Только вот пальцы мои грела другая рука, сильная, горячая. И душа пела, мне казалось, что я могу запросто взлететь и окунуться в небо... Мы могли взлететь, но...

Шесть лет прошло. А помню все так, словно это было вчера: как Алекс буквально выхватил меня из пилотского кресла, как протащил по коридору и швырнул в спасательную капсулу. Как меня вжало в амортизационное ложе, когда капсулу отстрелило от корабля, как я, захлебываясь слезами, давясь криком, все-таки выглянула в прозрачную панель – и увидела, как гравитационное поле ловушки затягивает наш однопалубный истребитель. Алекс стоял у капитанского мостика, я видела его светлый силуэт сквозь обзорное окно, что-то пытался сделать... Он включил двигатели на полную мощность, оранжевое пламя рвануло из сопел – и корабль попросту начал разваливаться на куски. Он падал в искусственно созданную бездну и продолжал разваливаться. Хотелось верить, что Алекс не успел почувствовать боли. Это было все, о чем я молила мироздание последующие шесть лет.

Наконец я дошла до нужного корпуса. Прозрачная панель приветливо скрылась в нише, позволяя пройти в светлый холл. Дальше – металлический блеск лифта, привычный глазок камеры. Дом знает меня, знает, на какой этаж мне нужно подняться, и вот я наконец открыла дверь своей квартиры. Не снимая обуви, прошагала на кухню, взяла две пилюли из контейнера и торопливо их раскусила. Рот сразу залило приторной сладостью, в ушах зажужжало – и через минуту все закончилось. Мигрень прошла.

– Ну в самом деле, – пробормотала я, невольно повторяя слова Мишеля и осматриваясь.

Похожий на таблетку уборщик застрял, пытаюсь втиснуться под холодильник. Я его легонько подтолкнула носком ботинка, и он пополз дальше, шурша щетками и распространяя легкий аромат спелой дыни.

Спустя еще четверть часа я в банном халате сидела в любимом кресле, а рядом, на столике, исходила ароматным паром большая кружка травяного чая. Пару чаю составил бутерброд из белого хлеба с ломтем колбасы, и я чувствовала, что сегодня одним бутербродом не ограничусь. В этом была своеобразная прелесть профессии военного пилота: метаболизм нам отрегулировали так, что можно было хорошо и с аппетитом есть, не опасаясь заработать сочные складки на боках. Мишель пилотом не был, зато явно любил поесть вкусенького.

Мишель... Черт бы его побрал, с таким-то предложением. Меня начинало трясти от одного вида девيران. Их образы нынче – часть модного тренда, вся реклама забита высокими силуэтами в черных балахонах. Иногда мне казалось, что у девيران и головы-то нет, потому что никто и никогда не видел, что у них за лица. Лишь в тени капюшона светятся то соты, то бледно-зеленые полосы, то какая-нибудь схема, похожая на графическое изображение любой интегральной схемы. Может, и правда голова отсутствует, а на месте лица – голограмма? Но где тогда мозг? Не может быть разумного существа без мозга... Не иначе как где-нибудь в животе.

Мысли были вязкими, цветными и похожими на бред. Но предложение Мишеля упорно не хотело идти прочь из головы. А что, если?..

Я ведь не просто так смотреть на них не могу. Я – боюсь. До мерзко вспотевших ладоней, до дрожи во всем теле.

Но помимо страха есть еще и ненависть. И не затягивающаяся с годами дыра в душе, темная пустота, в которую я не решаюсь заглядывать, ибо там – светлый, худощавый силуэт Алекса и изящный корпус корабля, покрывшийся огненными трещинами. Я тону в этой стран-

ной пустоте, замешанной на страхе и ненависти. И – надо признать – даже не живу, так, существую, день за днем, без интереса, без радости.

Что, если предложение Мишеля неспроста и меня хотят отправить на «Содружество» те, кто не в восторге от сотрудничества с девиранами? Что, если я смогу что-то изменить? Отомстить? А вдруг... потом я смирюсь наконец с утратой и взгляну на мир по-иному?

Я допила чай, отставила чашку. Побродила по гостиной, увидела ее словно впервые: здесь царили тоска и запустение. Пыль на полках. Широкая, вполстены, винтажная панель визора, который я уже и забыла, когда включала в последний раз. И давно засохший цветок в керамическом горшке, который мне подарили на день рождения на работе... Кажется, мне просто необходимо было с кем-то поговорить.

Прошлепав в спальню, я забралась в кровать, под одеяло. Прикосновение к правому виску активировало нейроинтерфейс коммуникатора, и этот же нейроинтерфейс установил соединение с нужным абонентом. Я прикрыла глаза. Удобно все носить в собственной голове! Уже никто и не задумывается о том, с какими сложностями столкнулись изобретатели «перехода», который позволил объединить органику и неорганические элементы. Теперь все этим пользуются – и все.

Тем временем прозрачный имплант работал. Все так же, с закрытыми глазами, но я увидела расплывчатое изображение знакомого кабинета в исследовательском центре и единственного человека, с которым говорить хотелось всегда, невзирая ни на что.

Папа.

Старенький, худенький и смешной в белом халате сотрудника центра.

Сам центр назывался так длинно и вычурно, что я даже не трудилась запоминать его название. Самое главное отложилось в памяти: центр обработки информации, остальное – не важно.

Важным было то, что отец мой всю жизнь проработал там, из-за своей работы развелся с мамой, она потом улетела куда-то в галактику S-15 с новым мужем, а меня оставила. Мама считала несправедливым то, что при разводе более всего страдает женщина. Мол, мужчина может и дальше устраивать свою личную жизнь, а на женщине все ставят крест, потому что она с ребенком. Наверное, папа не горел желанием устраивать личную жизнь еще раз, или работа ему полностью эту личную жизнь заменила... В общем, он сам предложил оставить меня с ним.

– Привет, – подумала я.

Мысль транслировалась через тот же нейроинтерфейс, в сеть.

– Привет, куклешка. – Папа заулыбался.

На изображении он выглядел именно таким, каким привык видеть себя в зеркале. То есть чуточку лучше, чем на самом деле.

– Ты плохо выглядишь, – тут же заметил он, что было вполне естественно: именно так я воспринимала собственное отражение. – Нельзя в таком состоянии пребывать такой долгий срок, – пропыхтел он и насупился.

– Я поговорить хотела, папа.

– С превеликим удовольствием. – Он снова улыбнулся, ехидненько так. – Я даже не буду задавать тебе глупых вопросов. Про мужчин. Или про потенциальных внуков.

– Вот и не задавай. – Я тоже невольно улыбнулась. – Ко мне приходил Мишель...

– А, как же, помню. Очень положительный молодой человек.

– И теперь при должности. Но не в этом дело, па. Знаешь, какое он мне предложение сделал?

Папа так и застыл на транслируемом изображении. Возможно, он и в реальности застыл.

– Нет, не руки и сердца, – торопливо продолжила я.

– А жаль!

– Он мне предложил полететь на «Содружество». Сказал, сейчас свободна должность второго секретаря консула, и вот... я...

Папа прищурился, при этом его кустистые седые брови встопорщились, а седые усики, которые он старательно подстригал, казалось, тоже встали дыбом.

– И ты думаешь, надо ли тебе все это?

– Ну да, – виновато ответила я, – вот хочу посоветоваться. Ты же знаешь...

– Знаю, – с легкой усмешкой сказал он. Лицо его расслабилось, брови и усы снова обрели вполне благообразный, привычный вид. – Но я бы полетел туда обязательно. Жаль вот старичков туда не берут, а зовут только красивых девушек.

– Па...

– Да ладно, – он весело подмигнул, – лети, куклешка. Я понимаю, что не мне тебе давать советы, но... В любом случае хуже, чем сейчас, уже не будет. Сегодня, кстати, в новостях передали, что на заседании представителей Альянса только что драки не было.

– И кто кого пытался бить? – Я новости никогда не смотрела. А вот папа смотрел их по пять раз на дню.

– Да все те же все тех же. Кто-то против сотрудничества с девиранами, кто-то – за. Вообще за – это те, кто покупает и продает данные. А против – всякие там правозащитники. Мол, неправильно это, если появляется монополист в области данных, да еще и негуманоидный монополист.

– Сами виноваты, – проворчала я, – давно бы уже разработали методы работы с даториумом...

– Но пока что только девиране могут его обрабатывать, – заметил папа, – у них кибербиолика шагнула куда как дальше, чем в пределах Альянса, куклешка. Их альхьес, вот где ответ на все вопросы. Ну и медиумы... Да и сам даториум, черти бы его побрали. Я ведь еще раньше искал информацию по этому квадранту галактики, даториум образовался каких-нибудь пять столетий назад... Раньше его не было.

– Возможно, информации раньше столько не было. А даториум – возможно, ответ Вселенной на избыток информации. Куда-то ведь она должна деваться, ничто бесследно не пропадает.

Я сама не заметила, как втянулась в беседу. Пожалуй, именно такие вот околонучные рассуждения и диалоги с сотрудником центра обработки информации поддерживали меня все эти годы. Не знаю, во что бы я превратилась, если бы не папа.

– У тебя будет шанс пощупать все это собственными руками, – наконец сказал он, – так что мой ответ на вопрос, надо ли лететь на «Содружество», вполне однозначный. Я бы туда пешком пошел, да не берут. Представляешь? Ты будешь общаться с девиранами, ты увидишь, что происходит с даториумом на самом деле, как с ним работают альхьес, что у них получается...

– Да едят они его, едят...

– А заодно это прекрасный шанс понаблюдать, как информация преобразуется в вещество и обратно! – Папа в искреннем восторге потирал ладони.

– Я их терпеть не могу, – все же сказала я.

– Так тебе же не с ними жить, – возразил папа, – хватит ломаться, поезжай. В любом случае это будет интересно. Может, вернешь себе человеческий облик.

Я на всякий случай сделала скрин собственного образа в нейроинтерфейсе.

Папа отключился, посетовав, что ему нужно проверить тренды поведения целевой аудитории какой-то там медиакомпаний.

И я снова была у себя в спальне, сидела под теплым одеялом и смотрела на стену. Потом отправила сделанный скрин в печать и, когда печатное устройство выплонуло на стол отпечаток, подобрала его и принялась рассматривать.

Бедный мой папа!

Нужно было иметь просто стальные нервы, наблюдая во время коммуникационных сеансов вот это: что-то несуразное, со спутанными и давно немытыми волосенками и почему-то в мятой пижаме в голубой цветочек. Из чудовищно мохнатых тапок торчат тощие лодыжки. И я невольно рассмеялась, потом испугалась звуков собственного смеха. Оказывается, я уже и отвыкла от того, как он звучит.

Наверное, нужно было что-то поменять. Хотя бы попытаться. Вон папа мой и рад бы попасть на «Содружество», только ему это никто не предлагает. Черт! Я была военным пилотом первого класса, а потом администратором в кафе. Возможно, подошло время стать кем-то другим?

Я зажмурилась, снова потерла висок. И через нейроинтерфейс отправила Мишелю единственное сообщение: «Я согласна. Что мне делать дальше?»

Глава 1

«Содружество»

В иллюминатор был виден кусок черной бездны, аккуратно обрезанный скругленным углом стенки шаттла; даториум, похожий на темно-синюю губку, скрученную в ленту Мёбиуса и поверх посеребренную; несколько девиранских кораблей, формой напоминающих земных рыб дискусков, и собственно «Содружество» – неуклюжая конструкция из множества цилиндрических модулей, соединенных сетью блестящих трубок-переходов.

Пространственный прыжок закончился два часа назад.

После этого всех пассажиров пересадили с рейсового транспорта в небольшой шаттл, предусмотрительно вручив по герметичному стакану с тоником, потому что после пространственных прыжков у многих развивается мигрень. Людей в шаттле оказалось совсем немного: несколько женщин, по разговорам которых я сообразила, что они летят занять вакансии прислуги; мужчина в застегнутом на все пуговицы военном мундире и еще один мужчина, одетый куда проще. Наверное, разнорабочий. Или техник.

И, как это бывает, когда свободных мест больше, чем пассажиров, каждый уселся так, чтобы кресло рядом оставалось свободным. Я, меланхолично побалтывая тоник, тоже заняла место в ряду у иллюминатора. Господин в мундире разместился через проход и теперь с интересом разглядывал и «Содружество», и даториум, и корабли девиран.

Откинувшись в кресле и наблюдая за тем, как медленно растет в размерах станция, я прихлебывала из стакана. Тоник оказался удивительно приятным: мятым, с тонкой ноткой лимона. В свою бытность пилотом я конечно же водила корабли через пространственные прыжки, но нам выдавали средство в виде пилюль. Оно быстро действовало, но и близко не было таким же вкусным.

Мыслей... особо не было. Вообще никаких.

Уже перед самым вылетом я поняла, что и мстить-то никому толком не собираюсь. И что да, Мишель прав, военные действия – это всегда жертвы, и я, в конце концов, должна была понимать, куда иду, когда устраивалась военным пилотом. Чай, не васильки мы должны были собирать... Но вся беда в том, что подавляющая часть заданий сводилась к борьбе с пиратами. Мы всегда обладали техническим превосходством. А когда нас отправили к девиранам, оказалось, что Альянс, если можно так выразиться, пребывает на задворках цивилизации Древних.

Зачем я лечу на «Содружество»?

Наверное, попытаться начать новую жизнь, как бы пафосно это ни звучало.

Я планировала просто работать вторым секретарем консула и продержаться на этой должности столько, сколько сочту нужным.

А еще я собиралась раздавить собственные страхи: посмотреть на девиран вблизи и убедить себя в том, что в них нет ровным счетом ничего, чтобы я по ночам видела кошмары с их участием.

Пористая губка даториума, свернутая в ленту Мёбиуса, приближалась. Кажется, шаттл должен будет пролететь совсем рядом, так близко, что я смогу увидеть альхьес, кормящихся материей, в которую превратились излишки информации, циркулирующей в этом квадранте...

Я невольно задумалась. Какая все же странная цивилизация! И Альянс ничего толком до сих пор о ней не знает: кто такие, откуда... Альхьес – точно кибербионики. А вот медиумы? На «Содружестве» их несколько, сколько-то еще – на кораблях. Причем никому неизвестно, сколько именно. И конечно же их главный. Кто он? Какой? Никто в Альянсе никогда не видел девиранина без этих жутких балахонов. Попытки просветить излучением с треском провали-

лись: материал, из которого девирани производили свои хламиды, внезапно оказался не по зубам нашим службам безопасности.

Вздыхнув и отпив тоника, я еще раз посмотрела на пузырчатую массу даториума, медленно вращающуюся вокруг своей оси. Почему эта материя появилась на границах Альянса? Тоже никто не знал.

Мелькнула мысль и о том, что на моем месте папа прыгал бы от восторга – от самой возможности прикоснуться к чуждой нам цивилизации. Однако туда летела я. И прыгать не хотелось, а хотелось в теплый душ, в тихую каюту и чистую постель.

Я вздрогнула, когда в соседнее кресло ловко перебрался военный.

– Вы позволите?

Пожав плечами, я невольно отодвинулась. Не хотелось, чтобы он меня касался – но не потому, что за прошедшие шесть лет я не допускала мысли о том, чтобы с кем-нибудь... Скорее потому, что я ценила свое личное пространство.

Он заметил мой маленький маневр и извиняющимся тоном добавил:

– Если, конечно, не помешаю. С вашей стороны даториум лучше видно.

Я качнула головой. Нет, он не мешает. Отвернувшись к иллюминатору и с преувеличенным вниманием уставилась на серебристо-зеленые корабли девиран.

– Простите, что спрашиваю, – снова заговорил военный, – вы, случайно, не супруга консула Фирлэйма?

– Мне предложили должность секретаря консула, – ответила я и сразу же подумала о том, что он специально спросил, не жена ли я, исключительно чтобы начать разговор.

Впрочем, мне-то скрывать нечего. Совершенно.

И, понимая, что беседы уже не избежать, я повернулась к мужчине.

До этого я как-то не рассматривала его, да и неинтересно было. Теперь же мне представилась великолепная возможность оценить и короткую, но стильную стрижку на пегих от седины волосах, и широкий лоб с глубокими горизонтальными морщинами, и орлиный нос, и тонкие губы, и квадратную челюсть, гладко выбритую. Глаза у него были холодными, вот что мне не понравилось. Возникало чувство, что он измерял меня, мысленно взвешивал, прикидывая, что такого со мной можно сделать и чем я могу быть полезна.

Форма... Флот Альянса. Но вряд ли причастен к боевым действиям или к охране границ. Скорее, кто-то из штаба. И медаль в виде яркой кометы на груди. Порывшись в памяти, я вспомнила, что это была медаль, которую могли дать за усердную работу в центре управления.

– Джером Кабальди, – представился он и протянул мне руку.

Я протянула ему свою, и он осторожно, как будто опасаясь сломать, пожал мои пальцы.

– Маргарита Росс, – улыбнулась ему через силу. – Вы специально спросили про жену консула?

Кабальди продолжал сверлить меня взглядом так пристально, что я невольно передернулась. Казалось бы, улыбается, настроен доброжелательно. А ощущение такое, что собирается с меня шкуру содрать, не меньше.

– Честно говоря, да, – ответил он. – Сердитесь?

– Еще не знаю. – Я покачала головой.

– Разумеется, куда честнее было бы признаться, что мне хочется познакомиться с красивой девушкой, но она сидит с таким независимым и холодным видом, что, кажется, заморозит меня одним взглядом.

– Вы мне льстите, – вздохнула я, – но я окажусь падкой на лесть и прощу вас. К слову, а вы? Вы ведь тоже направляетесь на «Содружество».

– Я аудитор, – не колеблясь ни секунды, ответил Джером Кабальди, – меня отрядили на станцию с целью проверки законности деятельности девиран на территории Альянса.

Я приподняла брови.

– Зачем это? Казалось, всех устраивает разработка ими даториума. Тем более что сами мы все равно ничего не можем из него вытянуть.

Кабальди пожал плечами:

– Я лицо подневольное, госпожа Росс. Единственное, что могу сказать, так это то, что не всем в Совете Альянса нравится пребывание здесь столь чуждой нам цивилизации.

Его слова показались мне эхом слов Мишеля.

Интересно, знакомы ли они?

Я, чтобы выиграть время, сделала еще глоток тоника. И только открыла рот, чтобы спросить, как раздался предупреждающий гудок. Джером вздохнул, поерзал в кресле, стараясь сесть прямо.

– Надеюсь, мы с вами еще поговорим, госпожа Росс. – Его голос тонул в сирене, извещающей о начале стыковки со станцией.

– Мы будем жить на одной станции, господин Кабальди, – ответила я громко, пытаюсь перекричать подвывание сирены.

И зачем на шаттлах делают такое шумное извещение?

Можно подумать, боевая тревога...

* * *

Приемный холл «Содружества» поражал размерами и дороговизной отделки. К нему вел стыковочный коридор, мрачный, словно из древнего фильма ужасов про космос, и когда я наконец вынырнула в холл, то в первые несколько мгновений замерла, ослепнув от окружившего меня яркого сияния. Давненько не видела я таких огромных и таких сверкающих хрустальных люстр. И это в космосе. На самой границе Альянса. Нечто подобное, насколько мне известно, было в традициях старой доброй Земной империи: хрусталь, позолота (как можно больше!) и белый мрамор. Но Империя прекратила свое существование пару тысячелетий назад, и подобная роскошь перестала быть трендом – чтобы вот так, внезапно, всплыть на «Содружестве».

Я огляделась по сторонам. Да, пожалуй, такой роскоши я не видела нигде и никогда – ну разве что в обучающих фильмах. Получалось, что сам холл был в высоту больше, чем в ширину, этакий цилиндр, внутри обшитый белым камнем, украшенный резными карнизами. С потолка, более чем на половину высоты, свешивалась огромная сияющая люстра, как будто состоящая из тысяч хрустальных граненых капель. Люстры поменьше окружали ее по краю потолка – и все искрилось, играло, переливалось, отбрасывая на стены крошечные радуги.

А внизу расположилось несколько выполненных все в том же имперском стиле, из белого камня, стоек регистрации, за которыми прибывших ждали милovidные девушки в жакетах строгого покроя, темно-синих, как ночное небо на Земле.

Посмотрев на прибывших вместе со мной, я невольно улыбнулась. Мои попутчики пораскрывали рты и в изумлении разглядывали окружавшее нас бело-хрустальное великолепие. Пожалуй, только Кабальди осматривался спокойно, даже равнодушно. Но если он работал в штабе, наверняка что-то подобное на Земле видел не раз.

Что ж, довольно топтаться на месте. Я решительно двинулась к стойке регистрации. Девушка, что стояла там, приветливо улыбнулась – у нее была смуглая кожа и темные миндалевидные глаза, обрамленные черными ресницами. Каштановые волосы она старательно убрала под белую маленькую шляпку.

– Здравствуйте, – я тоже улыбнулась, – меня зовут Маргарита Росс. Я прибыла по назначению...

– Минуточку, госпожа Росс.

Она углубилась в чтение сведений, что были на планшете, затем, не прекращая улыбаться, снова посмотрела на меня.

– Да, все верно. Вам нужно проследовать в апартаменты в блоке Н12. Сегодня в десять часов по времени «Содружества» состоится прием у консула, вам предписано там быть.

– Прием? Извините, но меня не предупреждали.

– Вы вступили в должность секретаря Фирлэйма десять минут назад по времени «Содружества», – вежливо ответила девушка, – должностная инструкция пришла на ваш локальный банк данных. Но господин Фирлэйм специально просил предупредить, чтобы вы подготовились к приему. Необходимо явиться одетой соответствующе.

И она окинула выразительным взглядом мой серый комбинезон из пласт-котона, такой удобный, со множеством карманов – но совсем не предназначенный для приемов у консула.

Я в замешательстве посмотрела на свой чемоданчик. Там лежали две смены белья, еще один комбинезон, тонкая белая блуза и единственный мой деловой костюм – пиджак и юбка-карандаш, которые меня уговорил купить Мишель.

– Здесь есть магазины, – сжалась девушка, – у вас неограниченный кредит, как у секретаря консула.

Я лишь выдохнула с облегчением. Что ж, с одной стороны, так даже лучше. С другой... Мишель, ах ты сукин сын!.. Мог бы и предупредить, что мне придется принимать участие в такого рода мероприятиях.

– Ваша идентификационная карта. – На стойку регистрации лег маленький темно-синий с золотом прямоугольник.

Вполне ожидаемо, золотыми линиями была выведена лента Мёбиуса. Даториум.

– Следуйте к коридору 5А, там зайдите в транспортер и выберите блок Н12. Идентификатор апартаментов указан на карте, – продолжила инструктаж девушка, – блок магазинов – S1. В ваших апартаментах размещен модуль справочной службы, можете подключиться к ней через нейроинтерфейс.

Она умолкла, и я поняла, что все, что было нужно, она сказала.

– Спасибо. – Я повертела в пальцах синюю карточку и отошла от стойки.

Мое место тут же заняла какая-то из летевших в шаттле женщин, а я, осмотревшись, увидела над одним из коридоров табличку «5А» и двинулась туда, прочь из этого великолепного холла.

Не то чтобы он мне не понравился, но... Как-то не привыкла я к имперской роскоши. Ведущие бренды дизайна внутри Альянса проповедовали увеличение функциональности при минимизации форм и количества объектов. А тут – хрустальные люстры...

Пока я неслась в закрытом транспортере, похожем на пилюлю, сквозь блоки и структуры «Содружества», попыталась получить доступ к своему локальному банку данных. Однако данные еще не переместились вслед за мной по глобальной сети Альянса, остались где-то в пределах Солнечной системы – так что и я пока осталась без должностной инструкции. Затем, шагнув в блок Н12, я оказалась в начале длинного, хорошо освещенного коридора, по обе стороны которого тускло поблескивали десятки дверей. Сложно даже вообразить, сколько людей вместила станция! Интересно, нет ли сбоев у служб жизнеобеспечения?

Жилой блок восторга не вызывал.

Видала я и лучше: с рекреационными зонами, с зелеными насаждениями. А здесь – светло-серый пластик, хром. И темно-синяя ковровая дорожка под ногами. Как-то бедненько для такого грандиозного проекта, как «Содружество». И как-то слишком контрастирует с тем холлом, где я только что побывала.

Однако стоило мне приложить идентификационную карту к соответствующей панельке сбоку от двери, и мое мнение об условиях проживания на станции резко изменилось – в лучшую сторону. Потому как первое, что мне бросилось в глаза, – витраж с балконом, который как

раз и выходил в оранжерею. Я прошла туда, еще сомневаясь, не голограмму ли транслируют? Но нет. Стоя на балконе, я видела, как внизу, среди зелени, гуляют люди, и лианы заползли на мой балкон – настоящие, живые лианы. Я потрогала листву – упругая, чуточку шершавая. Что ж, это прекрасно. Я обязательно буду выходить в оранжерею. Лучшее средство от эмоционального выгорания во время длительного пребывания в космосе – это возможность вообразить, что ты по-прежнему на одной из жилых планет Альянса.

Я посмотрела на хронограф: до приема у консула оставалось четыре часа. И за это время предстояло сделать многое.

Во-первых, я тщательно исследовала место, где мне предстояло жить. Мне предоставили апартаменты из двух просторных комнат и санузла. Первая комната – гостиная – как раз и позволяла любоваться зеленью сквозь элегантно выполненный витраж. Помимо этого, здесь была панель визуализатора, круглый столик, за которым можно с удобством разместить двух человек, стулья и хромированная стойка модуля справочной службы, выполненная в виде шестиугольной призмы. Почти всю верхнюю грань призмы заняла сенсорная панель, а рядом тускло поблескивали капли слотов нейроинтерфейса. Я сделала себе заметку, что надо будет обязательно скачать полный план «Содружества» в мой локальный банк данных, но – это чуточку позже.

Из гостиной дверь вела в спальню, и там окон уже не было. Я пошарила по бархатистому пластику обшивки в поисках выключателя, ничего не нашла. Разглядела в полумраке широкую кровать, застланную такими белыми простынями, что они, казалось, светятся в потемках, отблеск зеркала на стене – и, кажется, все. Шкаф, судя по всему, спрятался в нишу.

Не нашелся выключатель света и в санузле, и я несколько запоздало сообразила, что наверняка справочный модуль совмещен еще и с модулем управления. Подвинула себе стул, уселась, привычным прикосновением к виску активировала нейроинтерфейс. Поиск сети занял несколько секунд, после чего пришлось проговорить мысленно номер идентификационной карты и активировать подключение. Превосходно! Я тут же получила доступ и к управлению функционалом апартаментов – опять же через нейроинтерфейс, и к подробнейшим планам станции, и даже к интеллектуальному путеводителю. Через несколько минут я уже раскладывала по полкам вещи, одновременно слушая сведения о магазинах, о том, как туда попасть, а заодно и о том, где именно будет проходить сегодняшний прием у консула Артуса Фирлэйма. Кстати, я с интересом посмотрела на цифровую копию самого консула: приятный такой мужчина оказался. Кареглазый шатен с лицом столь красивым, что, думаю, без пластической коррекции не обошлось. Интересно, а жена у него есть? Сделала запрос. Нет, Артус Фирлэйм был не женат. И я так и не смогла определить для себя, хорошо это или плохо...

Хронограф неумолимо отсчитывал минуты.

Я положила идентификационную карту в нагрудный карман и вышла из апартаментов. Если сказано озаботиться вечерним туалетом – придется озаботиться.

* * *

Блок магазинов S1 повторял типичный торговый центр Альянса. Даже наименования брендов все те же. Привычные логотипы. Высокие прозрачные витрины. Выделенные для отдыха места, небольшие кафе со столиками в уютных нишах. Все так привычно, что и не скажешь, что в глубоком космосе, на самой границе Альянса. Людей... что ж, людей здесь было не слишком много. Возможно, сейчас разгар рабочего дня, и магазинчики и кафе заполнятся к вечеру. А возможно, те, кто прилетал сюда как обслуживающий персонал, попросту не имели средств в достатке, чтобы свободно разгуливать по магазинам.

Я порылась в памяти, пытаюсь вспомнить, где в последний раз покупала приличное платье. Вопрос был тот еще: на самом деле, пока работала пилотом, мне точно так же некогда было

бродить по магазинам – да и некуда было выходить в этом пресловутом платье. Ну а после того, как погиб Алекс... Никуда я не ходила. Ничего не хотелось. То земное кафе, где я работала администратором, стало единственной соломинкой, которая еще держала меня на поверхности, не давая окончательно сползти в темную пропасть.

Впрочем, я все-таки вспомнила. Как обычно, воспоминание было связано с Алексом: как-то мы специально взяли отпуск, чтобы слетать на Землю и послушать одну из древнейших опер в современном исполнении. Посещение оперы подразумевало интересный нюанс: дама обязательно в вечернем платье, а ее кавалер непременно во фраке. Я тогда выискала по каталогам список корпораций, которые занимались пошивом одежды премиум-класса, и мы сидели в партере, словно и не пилоты одной небезызвестной военной компании, а какие-нибудь потомственные аристократы. Опера называлась «Золото Рейна». Нестареющая классика, существующая вне времени.

Оставалось только определить, есть ли на «Содружестве» магазин этого бренда. Прикосновение к виску – запрос к справочному модулю – и перед взглядом отобразился золотистый пунктир, ведущий меня к выбранной цели.

Правда, стоило очутиться перед знакомым логотипом, золотой буквой «М», горло сжалось в спазме. Проклятые воспоминания! Они все еще душили, не давали вздохнуть. И, хоть и были эти воспоминания добрыми и исполненными любви, они как будто напоминали, насколько же мне теперь этой любви не хватает. Насколько мне тебя, Алекс, не хватает...

Я поморгала, чтобы осушить набежавшие слезы, и решительно шагнула внутрь магазина, очутившись при этом перед рядами стоек, увешанных одеждой. Ее было так много, этой одежды, что я даже растерялась, не зная, в какую сторону двигаться дальше. Однако это все же была одежда премиум-класса, и, следовательно, магазин – тоже премиум-класса. Откуда-то из пестрых глубин выкатился робот. Висок предупреждающе кольнуло, робот запрашивал разрешения подсоединиться к моему нейроинтерфейсу. Дальше все пошло как по маслу.

Меня спросили, что я ищу. Какой фасон, какую расцветку. Попросили просканировать идентификационную карту – я ее приложила к сенсорной панели на круглой голове робота.

«Позвольте проводить вас в соответствующую секцию».

Я послушно последовала за роботом, который неторопливо катился на мягких резиновых колесиках, и через несколько минут оказалась перед стойкой с платьями. Здесь же, на круглом стеклянном столе, были представлены аксессуары: клатчи всех цветов радуги, декоративные ремни, бижутерия... нет, не бижутерия, как раз тут все было вполне настоящим, и если выглядело как золото – то золотом и являлось.

«Приятных покупок. По идентификационной карте у вас открыт безлимитный режим покупок», – прошелестело на грани восприятия, и робот укатил.

Я же постояла-постояла, подумала о том, что пока что не вижу обуви. Но это потом. И приступила к выбору вечернего платья. Так странно... Я совершенно забыла, как это тяжело, оказывается, перебрать десяток схожих моделей, пусть и в одной цветовой гамме.

Я сразу попросила, чтоб это был синий цвет. Он шел мне, и яркий лазуритовый синий, и глубокий, цвета ночного неба. У меня бледная кожа, яркие каштановые, почти рыжие волосы и голубые глаза. Синий... мне идет.

Поэтому я стрепала в охапку несколько платьев и побрела в примерочную. Пока шла, невольно бросила взгляд в сторону витрины, которая отгородила магазин от пространства торгового модуля, и внутри все сжалось. Там, за стеклом, виднелась черная фигура, кажется, вполне гуманоидных очертаний, но... но... Девиранин! Черный глубокий капюшон, и на месте лица какие-то тонкие проблески, как будто... рисунок сот.

Сердце немедленно заколотилось о ребра. Я сглотнула, попыталась дышать глубоко и размеренно. Так, Марго. Прекращаем панику. В конце концов, ты здесь – секретарь консула, тебе с этими... черными без головы еще и работать придется.

Я отвернулась, стараясь лишний раз не смотреть в сторону этого силуэта, что навевал такую необоримую жуть, засеменила, торопясь в примерочную кабинку, и, только оказавшись отрезанной от всего мира тонкой пластиковой ширмой, выдохнула.

Со всем этим определенно нужно было что-то делать. Как я буду здесь работать, если от одного вида девирана меня в пот бросает?

Кое-как отдышалась, занялась примеркой. И – надо же! – внезапно нашлось то самое платье, в котором я была в опере... Темно-синее, с открытыми плечами, с довольно глубоким декольте. Облегающее тело до талии, как вторая кожа, а начиная от середины бедра расходящееся крупными фалдами. Ноги подогнулись, я присела на пуфик и несколько минут сидела, сдерживая рвущиеся из груди рыдания. Зачем я здесь? Я же видеть не могу девиран. Мне делается дурно от одного только вида этих черных жутких хламид... Зачем все это? Постоянно просыпаются воспоминания, горькие, болезненные, которые я столько лет пыталась загнать куда-то вглубь себя, чтоб они покрылись толстым слоем пыли, как никому ненужная вещь... и не получается. Время не лечит. Что должно случиться, чтобы я перестала нервно дергаться при виде черного балахона и рыдать, наткнувшись на синее платье, от вида которого ко мне возвращаются давно забытые чувства, ощущения?

Я вытерла пальцами слезы, рассеянно взглянула на босые ступни. Платье, да. А к нему нужны туфли. И клатч. И, может быть, даже красивый тяжелый браслет, который будет хорошо смотреться на моем узком запястье...

Я провела ладонью по воздуху, заставляя ширму сдвинуться в сторону... и от неожиданности вскрикнула. Внутри все мгновенно скрутилось в тугой узел, перед глазами потемнело.

Прямо за ширмой, отрезая все пути к бегству, надо мной возвышался широкоплечий силуэт в черном балахоне. Мысли застывали в голове, беспорядочные и бесполезные. Это ведь он смотрел на меня сквозь витрину? Он? Или другой? Что ему нужно? Почему я?

«Что вам нужно?»

Вот что я должна была спросить. Громко, отчетливо. В конце концов, это в высшей степени невоспитанно, лезть в примерочные...

Но из горла выползло лишь жалкое сипение. И меня начало трясти в жутком ознобе. Нужно было крикнуть, хоть что-нибудь, позвать на помощь... Но я... не смогла. Попятилась, отшатнулась внутрь примерочной. Да кто мне поможет? Здесь только робот. А как же камеры слежения в примерочных? Как же они? Где здесь тревожная кнопка?

Черная громадина шагнула вперед. Мне показалось, что я даже ощущаю, как пахнет его одежда: странная, невозможная смесь хвои и нового пластика. И я слышала, как дышит это чудовище: медленно, размеренно... не то, что я.

– Что вам... нужно? – наконец выдавила я, понимая, что еще немного и свалюсь ему под ноги.

Молчание.

Я задрала голову – и там, под капюшоном, увидела тусклое свечение сот. И крошечную темноту, бархатную, но неосязаемую.

– П-помогите, – пропищала я, вскидывая руки в попытке защититься.

И куда только делось знание приемов рукопашного боя?

Вместо меня осталось жалкое, невнятно пищущее существо, не могущее даже шевельнуться. И этот черный ужас, что возвышался надо мной... Что ему нужно?

Я не сразу ощутила деликатное покалывание виска. Не сразу сообразила... Девиране не могут говорить? Могут же...

Но он стоял надо мной не шевелясь и запрашивал разрешения на сеанс связи.

А сердце колотилось так, что, казалось, сейчас выпрыгнет из горла. Или я умру, потому что сердце – оно просто не может биться в таком сумасшедшем темпе так долго.

– Уходите! – выдохнула я. – Оставьте меня!

Я ожидала... сама не знаю чего. Мне казалось, что он меня схватит за руки, возможно, ударит... Но девиранин внезапно развернулся и пошел прочь, неторопливо так, словно о чем-то задумался. Из-под его одеяния виднелись подошвы ботинок, самых обыкновенных, человеческих... А я, опустошенная только что пережитым ужасом, опустилась на пуфик, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Спокойно, Марго, спокойно. Все позади. Или, наоборот, все только начинается?

* * *

Почему девиранин проявил ко мне интерес? И почему я не падаю в обморок при виде этих существ, о которых Альянс, по сути, ничего толком не знает, – или хочу себя убедить в том, что не падаю. Я пойду на этот чертов прием и буду там улыбаться, буду знакомиться с сотрудниками, возможно, даже пригублю шампанского. А если там будут девиране – что ж, я сделаю вид, что они – пустое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.